
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Н. К. Грунскій. Памятники и вопросы древне-славянской письменности, т. I. Юрьевъ 1904 г. I—III Киевскіе глаголическіе листки; IV Пражскіе глаголическіе отрывки и изъ исторіи хорватской глаголицы.

Монографическое изученіе древнихъ памятниковъ церковно-славянскаго языка, столь важное для построения научной грамматики этого языка, а слѣдовательно и для сравнительной грамматики славянскихъ языковъ, началось сравнительно недавно и является одной изъ главнѣйшихъ задачъ для работающихъ въ области славянскаго языковѣдѣнія. Слѣдовательно, работа, заглавіе которой приведено выше, посвященная специальному обследованію двухъ памятниковъ древнѣйшей церк.-славянской письменности,—Киевскимъ листкамъ и Пражскимъ отрывкамъ,—должна остановить на себѣ вниманіе слависта.

Одновременно съ работой Н. К. Грунскаго появилась работа вѣнскаго профессора Вондрака, посвященная тѣмъ же двумъ памятникамъ („O původu Kijevských Listů a Pražských zlomků a o bohemismech v starších církevněslovanských památkách vůbec.“ v Praze 1904).

Объ этой работѣ я сдѣлаю нѣсколько замѣчаній въ иномъ мѣстѣ, а пока лишь замѣчу, что параллельное ознакомленіе съ той и другой книгой лишній разъ убѣждаетъ въ справедливости известной римской поговорки: duo cum idem faciunt, non idem faciunt. Въ самомъ дѣлѣ различіе въ характерѣ изслѣдованія, посвященнаго Вондракомъ и Грунскимъ Киевскимъ и Пражскимъ листкамъ, таково, что объ работы въ известной мѣрѣ пополняютъ одна другую; можно сказать, что работа Грунскаго въ сравненіи съ работой Вондрака носитъ преимущественно фактический характеръ; въ ней мало теоріи, наоборотъ въ книгѣ Вондрака теорія, пожалуй, даже слишкомъ много.

Послѣ этого общаго опредѣленія характера изслѣдованія Грунскаго обращусь къ болѣе детальному его разбору.

I.

Болѣе, чѣмъ три четверти, работы Н. К. Грунскаго посвящены Кіевскимъ листкамъ, и лишь послѣдній небольшой выпускъ—Пражскимъ отрывкамъ.

Центръ тяжести въ изслѣдованіи падаетъ, такимъ образомъ, на первый памятникъ. Первый и второй выпуски посвящены палеографическому анализу К. л., третій—разбору мнѣній; высказанныхъ о памятникѣ, и языку его; уже изъ этого плана работы видно, что различныя стороны предмета освѣщены авторомъ неравномѣрно: больше всего свѣта падаетъ на палеографическую сторону памятника, наоборотъ—историческая сторона вопроса остается въ тѣни.

Почти весь первый выпускъ работы посвященъ одному лишь отдѣлу палеографіи памятника: надстрочнымъ знакамъ. Вопросъ о значеніи этихъ знаковъ выдвинуть лишь недавно, и вполне естественно, что сдѣланы были попытки въ этомъ матеріалѣ найти ключъ къ рѣшенію темнаго вопроса о происхожденіи памятника.

Давъ подробное описаніе рукописи вообще (въ изданіяхъ памятника его нѣтъ) и указавъ на изданія Срезневскаго, Коляржа, Ягича и на неточности этихъ изданій, давъ полныя библиографическія указанія, относящіяся къ памятнику, авторъ устанавливаетъ въ рукописи два совершенно различные почерка и отмѣчаетъ всѣ замѣченныя имъ различія между этими почерками въ формѣ титлъ, придыханій, удареній и начертаній буквъ. Затѣмъ авторъ обращается къ разсмотрѣнію употребленія надстрочныхъ знаковъ, какъ въ Кіевскихъ листкахъ, такъ и въ другихъ памятникахъ, глаголическихъ и кирилловскихъ.

Сравнительно со всѣми другими памятниками К. л. оказываются особенно богатыми надстрочными знаками. Въ формѣ титлъ нашъ памятникъ обнаруживаетъ связь палеографической школы съ остальными глаголическими памятниками,—Синайскимъ Требникомъ, Свн. Псалтырю, Асс. Ев., Сборникомъ Клода, при чемъ въ другихъ ст.-славянскихъ памятникахъ титло ставится надъ такими словами, которыя въ К. л. пишутся цѣликомъ: ясно—черта древности.

Придыханія К. Л.—густое и тонкое по своимъ начертаніямъ оказываются тѣ же, что и въ греческихъ рукописяхъ VIII—IX вѣковъ,

при чемъ придыханія ставятся только въ началѣ слова надъ гласными: тонкое надъ а, е, ѣ, а густое надъ о, оу, ѣ, и. Н. К. Грунскій дѣлаетъ внимательный обзоръ глаголическихъ и кирилловскихъ памятниковъ, употребляющихъ придыханіе, и приходитъ къ выводу о существованіи нѣсколькихъ палеографическихъ школъ или по крайней мѣрѣ пріемовъ; при этомъ во всѣхъ этихъ памятникахъ въ большей или меньшей мѣрѣ сохранились слѣды древнѣйшихъ пріемовъ и всюду виденъ недостатокъ сознательнаго отношенія къ этимъ пріемамъ, одинъ лишь Кіевскій М. отличается систематическимъ употребленіемъ этихъ значковъ.

Впрочемъ, авторъ не останавливается на этомъ выводѣ: онъ стремится понять, почему тонкое придыханіе ставится именно надъ гласными а, е, ѣ, а густое надъ о, оу, ѣ, и. Онъ указываетъ на то обстоятельство, что именно гласныя а, е, ѣ употребляются йотованными, указываетъ на разсужденіе Максима Грека, уподоблявшее густое придыханіе произношенію ж, а тонкое—произношенію ч, и дѣлаетъ выводъ, что «тонкимъ придыханіемъ хотѣли обозначить мягкость, какъ бы закрытость произносимой гласной, густымъ—твердость, известную широту произносимыхъ гласныхъ» (33 с.).

Нетрудно замѣтить, что выводъ автора не отличается достаточной твердостью: въ данномъ случаѣ закрытость гласнаго очень неудачно ставится рядомъ съ мягкостью, а открытость или широта съ твердостью, при чемъ самая мягкость какъ будто бы смѣшивается съ йотацией; если соединять густое придыханіе съ твердостью гласныхъ, а тонкое съ мягкостью, то непонятно, почему надъ а въ словѣ астоахъ ставится тонкое придыханіе, а надъ о, оу—густое; если соединять тонкое придыханіе со способностью йотироваться, то вѣдь гласный оу такъ же способенъ къ йотации, какъ и гласный а, а между тѣмъ надъ нимъ придыханіе густое; наконецъ различіе между закрытымъ и широкимъ въ смыслѣ, очевидно, открытаго—гласнымъ не даетъ удовлетворительнаго выхода: нельзя назвать закрытымъ гласный а въ сравненіи съ о или оу, а эти послѣдніе гласные открытыми по отношенію къ а; еще менѣе можно назвать широкимъ гласный и сравнительно съ а, е, ѣ.

Впрочемъ опредѣленіе условій употребленія знаковъ придыханія врядъ ли имѣетъ значеніе въ общемъ вопросѣ о Кіевскихъ листкахъ. Иное дѣло—постановка удареній. Удареніе, его мѣсто и качество въ различныхъ словахъ въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ имѣетъ свой опредѣленный характеръ. Разстановка удареній въ Кіевскихъ л.

по крайней мѣрѣ а priori можетъ дать изслѣдователю надежду найти матеріалъ для рѣшенія вопроса о родинѣ памятника.

Къ сожалѣнію, и здѣсь, какъ мы увидимъ ниже, наши усилія рѣшить увѣренно загадку въ известной мѣрѣ парализуются весьма незначительнымъ объемомъ памятника. Тѣмъ не менѣе можно сказать, что въ этой части работы Н. К. Грунскаго сосредоточивается главнымъ образомъ ея интересъ.

Параллельно пріемамъ греческой графики въ К. М. находимъ ударенія — острое и тупое. Тупое удареніе употребляется преимущественно, какъ говоритъ авторъ, надъ нѣкоторыми односложными словами: да, нхѣ, та, ка, і, нх', тѣ. Однако среди примѣровъ встрѣчаются и многосложныя слова съ этимъ удареніемъ: *панаѣнѣи'*, *чѣстица'* ¹⁾. Затрудняюсь опредѣлить значеніе этого тупого ударенія, но во всякомъ случаѣ нельзя согласиться и съ толкованіемъ автора, который видитъ въ немъ удареніе логическое; нѣтъ надобности приводить соображенія априорнаго характера; достаточно указать на то, что тупое удареніе трижды поставлено на союзѣ и (3 л. об., 5 л., 5 л. об.); нельзя думать, что логическое удареніе въ живой рѣчи падало на союзъ и, уже по своему значенію союза опредѣленный на второстепенную роль.

Но случаи, въ которыхъ находимъ это удареніе, мало имѣютъ значенія уже въ виду своей сравнительной малочисленности.

Гораздо чаще употребляется знакъ остраго ударенія. Авторъ группируетъ случаи употребленія этого остраго ударенія по рубрикамъ: ударенія на послѣднемъ слогѣ, удареніе на предпослѣднемъ слогѣ, удареніе на третьемъ слогѣ отъ конца,—на четвертомъ отъ конца; затѣмъ онъ отмѣчаетъ нѣсколько случаевъ, гдѣ въ одномъ и томъ же словѣ находимъ два, а однажды даже три острыхъ ударенія; давъ попытку объясненія такихъ случаевъ, онъ заканчиваетъ разсмотрѣніе постановки остраго ударенія въ К. М. указаніемъ параллелей изъ южнославянскихъ памятниковъ и современныхъ южнославянскихъ нарѣчій. Однако, эти сопоставленія въ раздробъ—съ единичными примѣрами, вырванными изъ общей системы удареній того или другого памятника, какъ и слѣдовало ожидать, не приводятъ автора ни къ какому результату. Порой даже эти сопоставленія являются нѣсколько механическими: хотѣлось бы найти въ нихъ болѣе вдумчи-

¹⁾ Въслѣдствіе типографскихъ затрудненій ударенія стоятъ не надъ буквой, а сбоку нея.

ваго анализа, болѣе критики, чѣмъ находимъ у автора; такъ, напримеръ, авторъ сопоставляетъ *кѣ'са кѣ'самогнѣ* К. л. съ *кѣ'си* въ текстѣ азбучной молитвы Константина, напечатанной Соболевскимъ въ известной статьѣ „Черковно-славянскіе стихотворенія отъ IX—X вѣкъ и тѣхното значеніе“....; по моему мнѣнію, такое совпаденіе никакъ не можетъ утвердить мысль, что на *ѣ* здѣсь дѣйствительно падало удареніе въ живой рѣчи; во всѣхъ словянскихъ нарѣчіяхъ *ѣ* въ этомъ словѣ въ открытомъ слогѣ выпало, чего при условіи его ударяемости не могло быть. Вообще группировка словъ съ острымъ удареніемъ по мѣсту ударенія является недостаточной; должно было дать попытку анализа этого матеріала, все равно хотя бы эта попытка дала одни отрицательные результаты.

Наиболѣе важны факты, относящіеся къ существительнымъ первообразнымъ: справедливо удареніе въ словахъ *нѣ'троу* 1 об., *анѣ'голоу* 1 об. авторъ относитъ на счетъ вліянія греческихъ оригиналовъ; удареніе въ словахъ *нѣ'та*, *нѣ'ра*, *сѣ'ла* соотвѣтствуетъ прасловянскому мѣсту ударенія, на томъ же мѣстѣ оставалось оно и позже въ отдѣльной жизни словянскихъ языковъ: въ русскомъ, польскомъ, чешскомъ, сербскомъ, болгар., словинскомъ, ибо долгота гласнаго въ *сѣ'ла*, *нѣ'ра*, была восходящая (серб. *си'ла*, *вје'ра*), а слѣд. законъ переноса ударенія на конечный слогъ въ словинскомъ и болгарскомъ этихъ словъ не касался; въ ф. множ. ч. *нѣ'та* ожидалось бы ударенія окончанія: ср. р. *нѣ'то*—*нѣ'та*, *полѣ*—*полѣ* и т. п.; но такое чередованіе несомнѣнно уже въ древнѣйшее время нарушалось взаимнымъ вліяніемъ формъ ед. и мн. ч., какъ то имѣетъ мѣсто, напримеръ, въ современныхъ сербскихъ говорахъ. Форма *нѣ'ла* также не представляетъ отступленія отъ старины. Старымъ является удареніе въ словѣ *мои'тва* (русск. *молитва*, серб. *молитва*); только одна изъ формъ существительныхъ первообразныхъ останавливаетъ на себѣ вниманіе: *си'ла* (р. *сѣ'ла*, серб. *си'ла*).

Удареніе въ прасловянскомъ должно было падать и въ твор. ед. на коренной слогъ; а потому, если знакъ ударенія въ данномъ случаѣ не есть описка или плодъ какого-либо недоразумѣнія, то онъ обозначаетъ скорѣе долготу, при чемъ эта долгота одинаково могла возникнуть, какъ на зап.-словянской, такъ и на южнословянской почвѣ: въ чешскомъ—*о*ди съ выпаденіемъ *ѣ* стягивалось въ *и*, слѣд. чехъ могъ поставить на слогѣ—*о'іж* своего оригинала удареніе ' для обозначенія *и* своего произношенія; въ сербскомъ, повидимому, очень рано конечное *и* изъ *ж* стало неслоговымъ, при чемъ эта потеря воз-

мѣщалась удлинненіемъ предшествующаго *o* (совр. серб. *сѣломъ*, гдѣ *м* замѣнило *у* вѣроятно подѣ влияніемъ окончанія именъ *м.* и *ср.* рода).

Особую группу составляютъ имена съ оконч. —икъ: *лхчѣникѣ*, *окѣцѣникѣ*, (да)роканѣа, *издрѣшениѣ*, *спѣсениѣ*, *оупѣканиѣ*, *очѣшчениѣ*, *спѣсениѣ*, *извакленѣиѣ*, *сѣдракѣиѣ*, *раздрѣшениѣ*. Обращаютъ на себя вниманіе прежде всего примѣры съ двумя и даже тремя удареніями. Отмѣчая такіе случаи въ другихъ позднѣйшихъ памятникахъ, Н. К. Грунскій видитъ въ нихъ не то неувѣренность писца въ разстановкѣ удареній, не то обозначеніе главнаго и второстепеннаго ударенія въ словѣ. Ни то, ни другое толкованіе не кажется намъ вѣрнымъ. Прежде всего ясно, что удареніе не могло падать одновременно,—хотя бы главное и второстепенное—на два сосѣднихъ слога, какъ въ словѣ *издрѣшениѣ*; можно сказать болѣе: удареніе въ словахъ этого типа не могло падать на гласный і суффикса—*је*. Остановимся нѣсколько дольше на этомъ вопросѣ.

Имена эти образованы помощью суффикса—*је*, при чемъ суффиксъ этотъ или былъ неударяемъ вовсе или имѣлъ удареніе на конечномъ гласномъ *e*: ср. русск. *дубнѣ*, *зѣбрѣ*, *бѣль* и чакавскія *perjē*, *zeljē*, *zgrjē* и т. п. съ одной стороны, а съ другой: сербскія *дѣбље*, *пруѣ*, *звѣјерје* или словинскія *grōzđje*, *zē'le*, болг. *дѣбие*, *дрѣвие*, *класне* и т. п.

Не станемъ рѣшать вопросъ о происхожденіи этихъ двухъ типовъ именъ; во всякомъ случаѣ оба ряда взаимно вліяли другъ на друга, аналогія производила въ отдѣльныхъ словянскихъ языкахъ уравненіе въ томъ или другомъ направленіи.

Намъ кажется весьма вѣроятной остроумная гипотеза ае. Шахматова, что въ зависимости отъ мѣста ударенія находилась и дальнѣйшая судьба *ѣ* въ суффиксѣ—*је* ¹⁾).

Предъ ударяемымъ *ѣ* было сильнымъ и переходило въ *i*, т. е. **zeljē* измѣнилось въ *zeljē*; предъ неударяемымъ *ѣ* было слабымъ и сохранялось, а позже въ отдѣльныхъ языкахъ выпадало; очевидно, аналогія могла заносить—*је* въ примѣры, гдѣ фонетически должно было получиться *је*, и наоборотъ. Въ языкахъ, гдѣ побѣждалъ рядъ—*је*, получился общій типъ именъ такой, какъ въ сербскомъ: *дѣбље*, *пруѣ*, съ выпаденіемъ *ѣ*; въ другихъ, какъ чешскій, преобладаніе получалъ типъ—*јѣ*, т. е. *ије*, затѣмъ стяннувшееся въ *іе* (позже *i*: *rgou(i)* и т. п.).

¹⁾ „Къ вопросу о разлитіи юта и неслогового *i*“ 1903 г. 10 с. и слѣд.

Итакъ въ общійнѣйшій значекъ надъ *и* не можетъ обозначать ударенія; болѣе того: не обозначаетъ ударенія и значекъ ударенія надъ *ѣ*; дѣло въ томъ, что въ приведенныхъ словахъ мы имѣемъ дѣло съ именами, произведенными отъ глаголовъ; имена эти гораздо сильнѣе были ассоціированы съ глагольными формами, чѣмъ съ именами на *ѣ* вроде *zelcĭje*, *dobcĭje*; поэтому можно думать, что хотя бы въ языкѣ Киевскаго Миссала и были обычны формы *zelcĭje*, *dobcĭje* и т. п. съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, приведенныя имена Киевскаго Миссала имѣли удареніе не на суффиксѣ: ср. р. *obcĭcĭanie* (*обцѣщать*), *mučĭenie* (*мучить*)—серб. му^тчѣнѣ—му^тчѣти, р. *spascĭenie* (*спасти*)—серб. спѣсѣнѣ—спѣсти, р. *ociscĭenie* (*очищать*)—серб. очѣшчѣнѣ—очѣшчѣти, *upovĭanie* (*уповѣть*), серб. у^твѣнѣ у^твѣти. Итакъ удареніе предшествовало суффиксу—*ије*, что и подтверждается формами К. М. *ocĭcĭcĭnitĭ*, *ocĭšcĭcĭnitĭ*; очевидно, что первый знакъ остраго ударенія обозначаетъ здѣсь удареніе слова, второй же знакъ не удареніе, а долготу; аналогичные примѣры употребленія двухъ знаковъ ударенія въ одномъ словѣ—именно съ такимъ значеніемъ находимъ въ сербскихъ рукописяхъ XIV—XV вв.: ср. напр. *korābĭlĭ*, *korābĭlo*, *korābĭlĭ* въ одной рукописи к. XIV нач. XV вв., что = совр. сербскому *корабль*¹⁾.

Въ этихъ рукописяхъ очень часто одно и то же слово имѣетъ удареніе въ одномъ случаѣ на одномъ слогѣ, во второмъ на другомъ, въ третьемъ на обоихъ: въ одномъ случаѣ обозначена долгота, въ другомъ удареніе, въ третьемъ то и другое.

Такимъ образомъ въ *мѣчѣнитĭ*, *издрѣшѣнитĭ*, *извакашѣнитĭ*, *спасѣнитĭ* обозначена лишь долгота, въ *очѣшчѣнитĭ*—то и другое; мысль эту подтверждаетъ и примѣръ К. М. *ociscĭcĭnitĭ* V, 15—16; знакъ *-* обозначаетъ обычно долготу. Особо стоитъ среди этихъ словъ *сѣдравѣнѣ*,—какъ отыменное; эту форму также слѣдуетъ читать какъ **сѣдрѣвѣнѣ*.

Остается лишь вопросъ, какъ понимать одновременное обозначеніе ударенія на *и* и *ѣ* суффикса: *ocĭcĭcĭnitĭ*, *издрѣшѣнитĭ*. Если бы не первый примѣръ, то можно было бы думать, что значекъ на послѣднемъ слогѣ обозначалъ удареніе, а на предпослѣднемъ долготу; но въ примѣрѣ *ocĭcĭcĭnitĭ* удареніе было на третьемъ слогѣ съ конца (ср. и *спѣсѣнитĭ*, *очѣшчѣнитĭ*). Быть можетъ, въ суффиксѣ—*ије*,—*ија* въ языкѣ писца произошло стяженіе и получился одинъ долгій слогъ; находя въ своемъ оригиналѣ нестянутыя формы, онъ могъ обозначить удареніемъ, какъ знакомъ долготы, оба слога.

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Пр. 1904 г. № 7, 37 стр.

Впрочемъ, на этомъ объясненіи не настаиваю, замѣчу лишь, что стяженіе могло имѣть мѣсто въ данныхъ формахъ не только въ праславянскихъ языкахъ, но диалектически и въ южно-славянскихъ: ср. у Крижанича *vojčē*, чак. *vojčé*, *zejčé* и т. п., въ штокавскомъ говорѣ Мажуранича: *kāmēnjē*, *kōljē*, *pějčē* и т. п. (Къ вопросу о различеніи *jota*...16 стр.)¹⁾.

Къ склоненію мѣстоименному относятся примѣры: *кагѣхъ* (4 р.), *кагѣхъ* (1 р.), *твоѣхъ* (2 р.), *наѣхъ*, *наѣхъ*, *коѣхъ*, *твоѣхъ*, *тѣѣхъ* (5 р.); *тѣѣхъ*, *наѣхъ*, *твоѣхъ*, *наѣхъ*, *наѣхъ*, *наѣхъ* (въ примѣрѣ въ сѣмъ знакъ ударенія не можетъ обозначать дѣйствительно удареніе). Среди нихъ на первый взглядъ останавливаются на себѣ вниманіе примѣры *твоѣхъ*, *твоѣхъ*, *твоѣхъ*, *коѣхъ* и *тѣѣхъ*, *тѣѣхъ*, какъ отступающіе отъ тѣхъ указаній на праславянское мѣсто ударенія, какія даетъ русскій языкъ. Однако въ формахъ *твоѣхъ*, *твоѣхъ*, *твоѣхъ*, *своѣхъ*, съ точки зрѣнія стараго мѣста ударенія нѣтъ ничего удивительнаго: что въ праславянскомъ удареніе въ формахъ этихъ мѣстоименій падало то на первый слогъ, то на послѣдній, указываетъ сопоставленіе русскихъ: *по-мѣсту*, *по-твоѣму*, *по-своѣму* при *моѣмъ*, *моѣмъ*, съ чакавскими *mōjega*, *mōjemu* при *mojega*, *mojemu*.

Затруднительнѣе, по крайней мѣрѣ на первый взглядъ,—объясненіе формъ *тѣѣхъ*, *тѣѣхъ*—въ виду русскихъ *тебѣ*, *тебѣ* и сербскихъ *тебе*, *теби* (изъ **тебѣ*, **теби*). Тѣмъ не менѣе нельзя дѣлать вывода, что удареніе въ этихъ формахъ въ К. л.—новое, не соответствующее праславянскому, нельзя здѣсь видѣть какого-либо поздняго переноса ударенія, ибо въ южно-чакавскихъ говорахъ находимъ *te`pi*, *te`bi*, *se`bi*; удареніе корня—также въ нѣкоторыхъ юго-западныхъ сербскихъ говорахъ; колебаніе между удареніемъ корня и окончанія—и въ еловинскомъ. (Ср. Rešetar „Die serbokroatische Betonung der südwestlichen Mundarten“ 1900 г., 143 с.).

Къ склоненію прилагательныхъ относятся формы: *кѣтънѣхъ*, *чѣтънѣхъ*, *кѣтънѣхъ*, *кѣтънѣхъ*, *дѣтънѣхъ*.

Въ примѣрахъ: *кѣтънѣхъ*, *чѣтънѣхъ* обозначено удареніе на первомъ слогѣ, долгота на второмъ.

И здѣсь, въ этихъ примѣрахъ въ общемъ нѣтъ отклоненій отъ стараго праславянскаго мѣста ударенія: по крайней мѣрѣ въ *кѣтънѣхъ*, *чѣтънѣхъ*, *кѣтънѣхъ*, *кѣтънѣхъ*; въ формахъ *кѣтънѣхъ* знакъ ударенія скорѣе всего обозначаетъ долготу, возникшую изъ стяженія (с. вје-

¹⁾ Стиженис—ије. —ѣја въ К. М. предполагаетъ и Вондракъ. 12 стр.

чанъ—чна,—чно); одно лишь достоинъ—имѣеть удареніе не на старомъ мѣстѣ: р. *dostojnyj*, с. *dostojan*.

Глагольные формы: *дѣзь, подѣзь, отхдѣзь, кьнаемѣх, їгах, бутьрѣдѣ, їхторѣ, зашчті, смѣті, призрѣ, прѣспѣх, мѣбанѣх, погѣвѣ, їти, оуказѣннѣ, наслѣдовѣти, помѣлова*; причастные формы: *чѣгѣцѣ, отхнѣдхнѣ, кьсѣмогѣнѣ, кьсѣмогѣнѣ*. Изъ всѣхъ этихъ формъ, имѣя въ виду праславянское мѣсто ударенія, приходится обратить вниманіе лишь на фф. *їти, наслѣдовѣти, кьсѣмогѣнѣ, чѣгѣцѣ*. Сербское *jěsi* указываетъ на удареніе окончанія; слѣд., здѣсь—отступленіе, явившееся б. м. подъ вліяніемъ ф. *з* л. (с. *je*ст) ср. кайкавское *je'si*; русскому *наслѣдовать* соответствуетъ с. *наследовати*; но въ глаголахъ этого класса удареніе не всегда было на коренномъ слогѣ: ср. р. *бѣдовѣти, їорѣвѣти, напѣвѣти* и т. п., малор. *купѣти*, при чемъ одни глаголы этого класса могли вліять на другіе. Форма *чѣгѣцѣ* не можетъ удивлять, если примемъ во вниманіе, что въ причастныхъ формахъ наст. вр. удареніе, повидимому, и въ праславянскомъ падало на послѣдній слогъ, но крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ классахъ глаголовъ: ср. народные русскіе: *идущіи, плещущіи* или сербскіе *врѣћи, прѣћи*; вѣроятно, положеніемъ предъ удареніемъ объясняется и долгота въ чеш.—*ouc.*, пол.—*ac*. Что касается *кьсѣмогѣнѣ*, то значекъ надъ *ь* врядъ ли можетъ обозначать здѣсь удареніе.

Итакъ анализъ примѣровъ со знакомъ острого ударенія приводитъ къ выводамъ: 1) что значекъ *'* иногда обозначаетъ не удареніе, а долготу: ср. *очищѣннѣ* *з* л. об. и *очищѣннѣ* *б* л., 2) что въ общемъ (за исключеніемъ двухъ—грехъ примѣровъ) значекъ этотъ правильно передаетъ старое праславянское мѣсто ударенія. Послѣдній выводъ, конечно, лишаетъ насъ возможности искать въ постановкѣ острого ударенія ключа къ опредѣленію родины памятника.

Слѣдующій отдѣлъ въ вопросѣ объ удареніи посвященъ Н. К. Грунскимъ значкамъ для обозначенія долгаго ударенія. Этихъ значковъ два: первое представляетъ соединеніе острого и тупого ударенія верхними точками: $\overset{\sim}{\sim}$, второе нѣсколько полукруглое имѣетъ форму, обратную первому, т. е. обращено концами кверху: $\overset{\sim}{\sim}$.

Начнемъ со второго.—

И здѣсь Н. К. Грунскій, хотя и указываетъ параллели отчасти въ памятникахъ, отчасти въ совр. сербскомъ, однако полного анализа фактовъ не даетъ, ограничиваясь установленіемъ положенія, что значекъ этотъ обозначаетъ долготу.

И дѣйствительно, положеніе это легко устанавливается уже такими

примѣрами, какъ: чьстайго, гьчѣма, кьшнїма, тоузїма, тьмапїух, гдѣ а, ѣ, і, и возникли изъ стяженія.

Анализъ остальныхъ примѣровъ небезынтересенъ для вопроса, въ какихъ же случаяхъ въ языкѣ памятника была долгота.

Примѣры мамѣтъвїих, мамѣдвїих, мхчвїих, замонїих — указываютъ на долготу гласнаго въ суффиксѣ—ихъ: долгинъ явл. і этого суффикса въ совр. сербскомъ, словинскомъ, чешскомъ (ср. серб. мученик, памјечник, памједник, ч. následnik, mčenič, zákonník, náměstník).

Точно такъ же другіе примѣры въ общемъ таковы, что ихъ можно возвести и къ чешскимъ, и къ южнославянскимъ количественнымъ отношеніямъ: между сербскимъ и словинскимъ въ этомъ отношеніи еще не могло быть разницы въ столь отдаленную эпоху (словинскій въ общемъ сохраняетъ и сокращаетъ старую долготу въ такихъ же условіяхъ, что и сербскій).

Формы гїма, тїма, їма Киевскаго М. ср. съ сербскими тїм, ѣїм и чешскими tím, jím.

Въ формахъ зашїти, кшдрїстїти гласный корня находился первоначально предъ удареніемъ и потому сохранился долгимъ и въ южнославянскихъ, и въ зап.-слов. языкахъ: ср. с. рãsti—рãstїи: слов. rãsti—rãstem (въ чешскомъ rŭsti при gosti,—трудно сказать, фонетически или нѣтъ); с. зашїтїти, слов. zašćtiti, чеш. zaštititi.

Относительно формы ходатаїца должно указать чешскій суффикс—ouc, серб.—ŭh: врŭhi, нѣсŭhi, слов. plečŏ, пехŏ и т. п.

Форма подїа—естественна: с. дãти, чеш. dãti указываетъ на входящую долготу корня; въ формѣ пов. накл. daždь вслѣдствіе отпаденія конечнаго ѣ качество долготы мѣнялось на нисходящее, слѣд. въ южнославянскихъ языкахъ д. б. сохраниться долгота; въ чешскомъ фонетически д. б. получиться краткость, но долгота могла быть восстановлена вліяніемъ другихъ формъ, какъ неопр. наклоненіе.

Форма оутїаже аор. 3 л. ед. ч.: въ неопр. накл. коренной гласный былъ предъ удареніемъ: р. тянŭть, с. утѣгнути, ч. táhnouti; правда, въ 3 л. ед. ч. аориста удареніе было, повидимому, на коренномъ слогѣ: серб. трѣсох—трѣсе; но и здѣсь долгота объяснима; коренной гласный представлялъ, несомнѣнно, нисходящую долготу, кот. въ южнославянскихъ языкахъ сохранялась: на почвѣ же зап.-славянской долгота могла явиться изъ другихъ лицъ или же въ 3 л. ед. ч. подъ вліяніемъ 1 л. ед. или 1—2 л. мн. ч. удареніе было на конечномъ слогѣ, а слѣд. коренной слогъ сохранялся долгимъ.

Примѣръ *sl'gemojij*: если суффиксальное *xi* въ этой формѣ не было долгимъ (ср. чеш.—*ouc*, серб.—*uñ*), то быть можетъ подѣ формой—*xiñ* скрывается долгое *xi* живого произношенія нисца, возникшее изъ стяженія *xi+ñ*.

Въ формѣ *tožz*: знакъ долготы быть можетъ передаетъ долготу стяженной формы: ср. серб. *tê*, чеш. *té*; то же можно предположить и по отношенію къ формамъ: *nenějskijā*, *ekjānvanějijā*.

Стяженіе же вѣроятно—въ формѣ *čmšmčijij*.

Относительно формы *inočogti* трудно сказать что либо опредѣленное: въ с. индкосан, индокоптина. Въ словѣ *chálak* долгота сохранилась предѣ удареніемъ: с. *chála*, чеш. *chvála*, слов. *hvála*.

Формѣ *prjmo* соотвѣтствій въ сербскомъ и словинскомъ *něvt*, въ чешскомъ: *prjnu*. Форма *takij*: р. *takóij*, ч. *taký*, с. *tákij*; судя по русскому, долгота должна была здѣсь сохраняться въ положеніи предѣ удареніемъ. Форма *šam*: с. *sám*, *sáma*, *sámo*; ч. *šám*, *šama*, *šamo*; слов. *šám*; ф. *šakij*: р. *svatóij*, но *sváto*, с. *světij* при *svět*, *svéta*, чеш. *svatý*; долгота могла сохраняться предѣ удареніемъ. Ф. *štj* ср. съ серб. *jěsū* (ср. *plětu*) и чеш. *jsou* (*nesou*, *pletou*) при слов. *so*. Ф. *slūžjka*: ср. въ слов. *slūžba*, но въ сербскомъ *slūžba* при *slūga*, чеш. *služba* при *sluha* (но и *slouha* диалектически); вѣроятно, долгота перенесена сюда, въ производное существительное изъ основнаго—**slūgā*. Формы *prošimj*, *nošimj*, *čistimj*, *molimj* могутъ быть одинаково сопоставлены съ сербскими *nošimo*, *hvalimo* и чешскими *na—im*; но въ словинскомъ *hvalimo*.

Изъ всѣхъ примѣровъ съ обозначеніемъ долготы знакомъ *o* одинъ лишь указываетъ опредѣленно на южнославянскія количественныя отношенія: это *plājk*: ср. с. *plājen-plājēna*, чак. *plēn-plēna*, слов. *plēn*, но въ чешскомъ краткость: *plēn*.

Такіе же примѣры, какъ *šakij*, *slūžjka*, не могутъ дать твердаго матеріала для заключеній: такой матеріалъ могутъ давать главнымъ образомъ первичныя именныя образованія. Конечно, одинъ примѣръ не дастъ почвы для твердаго вывода; однако прибавлю, что его не лишне сопоставить съ примѣрами первичныхъ именныхъ образованій съ острымъ удареніемъ на коренномъ слогѣ: *akta*, *akra*, *akzi*, *akski*; мы признали, что острое удареніе иногда обозначаетъ долготу или долгій ударяемый слогъ, но въ значительномъ большинствѣ случаевъ оно передаетъ удареніе краткаго слога; а посему, быть можетъ,—не простая случайность, что изъ приведенныхъ четырехъ примѣровъ первичныхъ именныхъ образованій съ острымъ удареніемъ—тремъ крат-

кость соотвѣтствуетъ именно въ южнославянскихъ языкахъ: с. *vje* ра, *je* та, си ла; лишь въ одномъ случаѣ передаетъ долготу съ точки зрѣнія южнославянской: *чѣла* (с. ти'јело). Можетъ быть, эти факты могутъ служить точкой опоры и при толкованіи формъ *подѣтъ*, *оутажѣ*: мы видѣли, что здѣсь долгота *фонетически* объясняется съ точки зрѣнія южнославянской; а относительно *скѣтъ*, *сабужьки* южнославянскія показанія не уступаютъ западнымъ.

Итакъ, если бы авторъ глубже проанализировалъ примѣры съ долгимъ удареніемъ, онъ могъ бы прийти къ выводу, что въ постановкѣ этого ударенія никакъ нельзя найти указаній на западное происхожденіе памятника и даже больше основаній видѣть указанія на южнославянскую почву.

Обращаюсь ко второму значеку, который, по словамъ автора, обозначаетъ долготу: *ˆ*. Относительно пониманія этого знака я затрудняюсь такъ легко согласиться съ авторомъ. Правда, цѣлый рядъ примѣровъ легко объяснимъ съ точки зрѣнія такого пониманія знака *ˆ*. Таковы: формы сложныхъ прилагательныхъ: а) им. п. ед. ч. м. р. (вин.—зв.): *милостивѣи*, *догѣчнѣи*, *скѣтъи*; рядомъ можно поставить соотвѣтствующія причастныя формы: *къселоугѣи*, *принесенѣи*; б) род. п. мн. ч. *скѣтъиѣхъ*, *невеселѣиѣхъ*, *прѣводовнѣиѣхъ*, *чѣстѣиѣхъ*, *поганѣиѣхъ*, *правдѣиѣхъ*; в) дат. п. мн. ч. *поганѣиѣмъ*; д) тв. п. мн. ч.: *скѣтъиѣмъ*; е) дат. п. ед. ч. м. р. *влаженѣиѣмоу*.

Всѣ эти примѣры не противорѣчатъ мысли о томъ, что *ˆ*—обозначаетъ долготу: ф. *милостивѣи* и т. п.—изъ *милостивѣин*, *скѣтъиѣхъ* изъ *скѣтъинѣхъ*, *скѣтъиѣмъ* — изъ *скѣтъинѣмъ*, *влаженѣиѣмоу* изъ *влаженѣиѣмоуѣмоу*. Далѣе такіе примѣры, какъ *влаженѣиѣ* можно объяснить предположеніемъ стяженія въ языкѣ писца (совр. с. до'брѣ), такъ же, какъ и ф. *скѣтъѣи*; можно такимъ же образомъ объяснять и мѣстоименныя формы — *ткѣмѣ*, *тоѣмѣ* (здѣсь долгота могла явиться и по аналогіи); можно наконецъ предполагать долготу и въ формахъ: *мариѣ*, *вѣѣ*, *мѣченицѣ*, *пицѣ*, даже въ *фф.*: *приснодѣѣиѣ*, *фѣлицѣиѣ*, гдѣ изслѣдователя невольно соблазняетъ долгота въ соотвѣтствующихъ окончаніяхъ сербскаго языка: *жѣнѣ*, *зѣмѣ*. Эта долгота первоначально имѣла мѣсто лишь въ нѣкоторыхъ именахъ женскаго рода съ мягкимъ окончаніемъ какъ *вратѣи* (gen. *вратѣи*), гдѣ долгота окончанія возникла изъ стяженія, а затѣмъ аналогія перенесла это долгое окончаніе въ примѣры, какъ *Земѣи* — *Земѣа*, а затѣмъ и въ имена твердаго окончанія (*женѣ*).

Итакъ, даже здѣсь объясненіе не невозможно. Но уже здѣсь воз-

никаетъ затрудненіе: вѣроятно ли такое объясненіе? Если считать ударенія К. л. одновременными самому тексту, то на этотъ вопросъ врядь-ли можно отвѣтить утвердительно. Указанное дѣйствіе аналогіи едва ли можно относить къ столь раннему времени. Это—во-первыхъ. Во-вторыхъ, является вопросъ: почему долгота въ этихъ формахъ ни разу не передана значкомъ ˇ. Въ третьихъ, конечное ѣ ѿ является съ предполагаемымъ обозначеніемъ долготы (^) и въ такихъ формахъ, въ которыхъ нѣтъ долготы окончанія и въ современномъ сербскомъ языкѣ: асс. pl. ѿкѣ, (да)рованыѣ: ср. совр. серб. жѣне, зѣмье.

Если мы рассмотримъ иные примѣры съ ^, то неминуемо придемъ къ заключенію, что авторъ слишкомъ поспѣшно и безъ должной критики отождествилъ знакъ ^ съ обозначеніемъ долготы.

Чѣмъ онъ можетъ оправдать долготу въ формахъ нѣ, асс. pl., тѣкѣкѣ, гѣтѣкѣ instr. pl.?—вѣдь конечные долгіе гласные уже въ праславянскую эпоху сократились; какой аналогіей можно объяснить долготу въ—тѣкѣкѣ, гѣтѣкѣ? Чѣмъ оправдать долготу конечныхъ гласныхъ въ примѣрахъ: радѣ, (совр. с. рѣди, слов. rādi), прилѣ, призрѣ, вѣтѣ?

Уже эти примѣры, въ которыхъ долгота конечныхъ гласныхъ совершенно невѣроятна, должны были остановить автора.

Далѣе цѣлый рядъ примѣровъ относится къ род. II. мн. ч. именъ существительныхъ: гѣтѣ, дѣкѣ, дѣкѣ и т. п.

Конечное ѣ долгимъ быть не могло; чтобы понять эти примѣры, авторъ обращается къ показаніямъ болѣе позднихъ сербскихъ памятниковъ, въ которыхъ формы gen. pl. имѣютъ въ окончаніи двойное ѣ: царѣ, пророкѣ и т. п.; эти написанія приводятъ его къ убѣжденію, что въ данныхъ формахъ К. л. отражается долгота.

Но достаточно ли этихъ фактовъ для подобнаго убѣжденія? Авторъ знаетъ, какаго рода возраженія можно противъ его заключенія выставить; но онъ недостаточно оцѣнилъ эти возраженія: „Противъ употребленія ^ въ значеніи долготы надъ ѣ можно привести теорію объ основной краткости этого звука“, говоритъ онъ. „Можно также сказать, что приведенные примѣры род. II. мн. ч. изъ сербскихъ памятниковъ свидѣтельствуютъ о позднѣйшемъ времени, что эти примѣры не даютъ еще права видѣть въ нихъ позднѣйшее сербское ѣ въ род. II. мн. ч. Все это такъ. Но въ то же время можно сказать, что количество гласныхъ въ др.-церк.-слав. нарѣчійхъ темный вопросъ, не вполне разъяснено и «вторичное» (позднѣйшее) происхожденіе сербскаго а“ (47 стр.). Основная краткость звука ѣ не есть теорія, какъ выражается авторъ, а непоколебимый фактъ, одно изъ основ-

ныхъ положеній сравнительной грамматики словянскихъ языковъ, положеніе, котораго никто не станетъ оспаривать. Общая фраза, что количество гласныхъ въ др.-перк.-слов. нарѣчіяхъ — темный вопросъ, не измѣняетъ сущности дѣла: въ „др.-церк.-слав. нарѣчіяхъ“ *ъ* былъ первоначально краткимъ. Предполагать его вторичное удлинненіе, не указывая, тѣмъ такое удлинненіе могло быть вызвано, мы не имѣемъ права; и какъ предполагать такое удлинненіе *ъ*, когда всѣ рѣшительно церк.-слов. памятники и живыя словянскія нарѣчія согласно свидѣтельствуютъ, что конечное *ъ* теряло слоговое качество и исчезало? Итакъ *ъ*, какъ *ъ*, долгимъ быть не могъ. Мы не можемъ для объясненія фактовъ графики К. Миссала разрушать все зданіе сравнительной фонетики словянскихъ языковъ.

Остается предположить, что подъ *ѣ* скрывается какой-либо иной долгій гласный. Каково бы ни было происхожденіе сербскаго *ѣ* въ род. п. мн. ч., но фактъ—тотъ, что это *ѣ* впервые появляется въ сербскихъ памятникахъ въ XIV вѣкѣ; пусть въ живомъ языкѣ сербскомъ эти формы появились на 100, даже на 200 лѣтъ раньше. Но предполагать въ какомъ-либо изъ южно-словянскихъ нарѣчій—такое вторичное *ѣ* въ XI вѣкѣ или концѣ X было бы слишкомъ смѣло, тѣмъ болѣе что этого окончанія не знаютъ ни болгарскій, ни словенскій языки. Наконецъ, мы готовы были бы допустить такое мало-вѣроятное предположеніе, если бы въ данной категоріи случаевъ былъ употребленъ знакъ, значеніе котораго въ смыслѣ обозначенія долготы было доказано всѣми остальными примѣрами. Между тѣмъ, съ одной стороны, мы видѣли рядъ случаевъ со знакомъ *ˆ*, въ которыхъ предположеніе долготы немыслимо, а съ другой, не видимъ ни одного случая формы ген. pl. со знакомъ *ˇ* на *ъ*, который безспорно обозначалъ долготу. Почему это? Почему долгота ни разу не выражена и знакомъ остраго ударенія?—Пожалуй, авторъ отвѣтитъ, что на конечныхъ гласныхъ для обозначенія долготы ставится исключительно знакъ *ˆ*. Но такъ ли это? Параллельно *прѣмѣ*, *прѣмѣ* находимъ: *оутѣрѣдѣ*, *сѣтѣрѣдѣ*, *зашчѣдѣ* (въ этихъ формахъ одинаково конечное *ѣ* было краткимъ), въ примѣрахъ: *издрѣшнѣдѣ*, *овѣщѣдѣ* долгота конечнаго гласнаго обозначена острымъ удареніемъ, а съ другой стороны *ˆ* находимъ и въ среднихъ словахъ: *сѣдѣдѣдѣ*, *вѣдѣ*, *вѣдѣдѣ*, *прѣдѣ*, *сѣдѣдѣдѣ*, *вѣдѣдѣдѣ* и др. Итакъ, совершенно случайно ни въ одномъ примѣрѣ съ долгимъ гласнымъ въ окончаніи род. п. мн. ч. долгота не выражена знакомъ *ˇ*?

Мы видимъ, что въ значительномъ большинствѣ случаевъ знакъ *ˆ*

не можетъ обозначать долготу; возникаетъ поэтому сомнѣніе и относительно такихъ примѣровъ, которые первоначально не возбудили нашего подозрѣнія. Таковы формы: *мімогнѣхѣ*, *докѣчнѣхѣ*, *святѣхѣ*: видѣтъ здѣсь въ *ѣ* гласный *и*, получившійся изъ стяженія, трудно потому, что гласный *и* вообще выражается въ К. М. написаніемъ *ѣи*: *фелицѣхѣи*, *сілѣхѣи* и т. п.

Спрашивается, почему *ѣи* изъ стяженія въ gen. pl. (святѣхѣхъ и т. п.) обозначается чрезъ *и*, а въ nom. s. чрезъ *ѣи* *воплнѣ посьмодователнѣ*? Такъ какъ причины такого строгаго графическаго различія указать нельзя, то нужно думать, что *ѣи* здѣсь обозначаетъ не одинъ, а два звука: *ѣ+и*. Причастная форма *приснѣхѣи* можетъ быть понимаема такимъ же образомъ (полная форма). Одно лишь *късьмогѣхѣи* противорѣчитъ такому пониманію, ибо здѣсь читать *ѣи*, какъ *ѣ+и* мы не можемъ. Но, быть можетъ, не только правописаніе этой формы, но и самая форма подверглась вліянію аналогичныхъ формъ им. п. ед. ч. прилагательныхъ: по употребленію эта форма причастія была близка къ прилагательнымъ. Что касается формы *късьмогѣхѣи*, то повѣрно авторъ объясняетъ эту форму, какъ ошибку писца: „писецъ по ошибкѣ поставилъ—*ѣи*, замѣтивъ свою ошибку, поправилъ ее прибавкой лишняго *ѣ*“ (25 с.); скорѣе здѣсь сохранилась правильная полная форма: *въсьмогѣ+ѣи* ¹⁾).

Что *ѣи* слѣдуетъ читать, какъ два звука, мнѣ кажется, подтверждаетъ параллельное написаніе *зановѣдѣи* (g. pl.). Такимъ образомъ, я не могу согласиться съ авторомъ, когда онъ *ѣи* называетъ выраженіемъ „нашего дифтонгическаго *ѣи*“: какимъ образомъ?—*ѣ* обозначаетъ *ѣ*, а *и*—*и*? или вторая часть дифтонга остается необозначенной?—и то, и другое—невыбротно.

Изъ примѣровъ съ знакомъ [^] должно отмѣтить еще: *кѣдѣмѣи*, *кѣдѣи* и *прѣи*. Въ первыхъ двухъ примѣрахъ съ точки зрѣнія южно-славянскихъ нарѣчій не ожидаемъ долготы: серб. *будѣи*, *будѣимо* показываетъ, что въ праславянскомъ *ѣ* было восходяще-долгимъ; слѣд.,—словинское *bóđi*, *bóđimo* представляетъ долготу вторичнаго происхожденія. Въ примѣрѣ *прѣи*—[^] можетъ случайно стоять вмѣсто [˘].

Во всякомъ случаѣ значеніе [^], какъ знака долготы, авторъ не доказалъ, и оно находится подъ сильнымъ сомнѣніемъ.

Заключивъ разборъ перваго выпуска работы, можемъ поставить во-

¹⁾ Впрочемъ въ исправленіяхъ авторъ, повидимому, отказывается отъ своего объясненія и признаетъ форму эту (*ѣи*) болѣе правильной.

прось: что же дало автору разсмотрѣніе надстрочныхъ знаковъ и удареній въ К. л.?—Оно не дало собственно никакихъ результатовъ въ отношеніи самого памятника; разсмотрѣніе это привело автора лишь къ убѣжденію, что древнѣйшіе церк.-слов. памятники имѣли надстрочные знаки, что „Кіевскій М. является пока единственнымъ памятникомъ, въ которомъ мы наблюдаемъ извѣстное внутреннее значеніе надстрочныхъ знаковъ во всемъ ихъ объемѣ, сознательное въ этомъ отношеніи заимствование изъ греческой графики и своеобразное примѣненіе къ славянской письменности“. Такимъ образомъ, съ основнымъ вопросомъ о родинѣ К. М. обширная глава эта не имѣетъ никакой связи.

Между тѣмъ, какъ мы видѣли, болѣе глубокій анализъ фактовъ могъ привести автора и къ выводамъ, если не вполне опредѣленнымъ, то все же имѣющимъ нѣкоторое значеніе для основного вопроса. Мы убѣдились: 1) что ударенія нашего памятника никакой связи съ западно-славянской почвой не обнаруживаютъ; 2) что въ нихъ можно найти скорѣе слабыя указанія на югъ; 3) что мѣсто ударенія въ К. М., обычно,—старое. Очевидно, это обстоятельство указываетъ на древность его постановки, такъ какъ уже сербскія рукописи конца XIV в.—начала XV датируютъ современный сербскій переносъ ударенія на одинъ слогъ ближе къ началу слова: *законъ, народъ* и т. п. (*Жур. Мин. Нар. Пр.* 1904 г., № 7, 36 стр.).

Можно думать, что этотъ переносъ имѣлъ мѣсто и въ XIII вѣкѣ, можетъ быть даже въ XII. Если такъ, если ударенія вообще въ К. М. принадлежатъ той же рукѣ, что и самый текстъ, то, очевидно, относительно значка ^ возможны два предположенія: или этотъ значекъ не обозначаетъ долготы, или же постановка его относится къ болѣе позднему времени.

Второй выпускъ изслѣдованія Н. К. Грунскаго посвященъ разсмотрѣнію начертаній буквъ въ К. М. сравнительно съ начертаніями другихъ церковно-славянскихъ памятниковъ; въ этомъ выпускѣ авторъ выходитъ изъ круга вопросовъ, относящихся непосредственно къ разсматриваемому памятнику; стараясь возстановить на основаніи этого сравнительнаго палеографическаго матеріала первоначальный типъ глаголическихъ буквъ, онъ касается общаго вопроса объ источникахъ глаголической азбуки. Я не буду останавливаться на частностяхъ этой статьи, а обращусь прямо къ общимъ выводамъ автора. Эти послѣдніе сводятся къ слѣдующему: 1. Начертанія буквъ К. Л. въ большинствѣ случаевъ являются древнѣйшими. 2. Начертанія К. М.

во многих случаях древнее даже начертаний букв других древнейших глаголических памятниковъ. 3. Исходя изъ К. М. въ связи съ другими древнейшими глаголическими памятниками, можно начертать путь, по которому болѣе крупное, какъ бы уставное глаголическое письмо переходило въ болѣе мелкое, полууставное. 4. Сдѣланные наблюденія очень важны при опредѣленіи древности памятника... 5. Особенности буквенныхъ начертаний К. Л. въ связи съ другими палеографическими данными памятника выдвигаютъ его въ особую палеографическую школу. 6. О древности памятника говоритъ и отсутствіе тѣхъ чертъ, которыя возникаютъ позднѣе (вязы, апострофы, разрисовка буквъ). 7. Сравнительная древность буквенныхъ начертаний даетъ возможность найти скорѣе ихъ первоисточникъ. 8. То же можно сказать и относительно нѣкоторыхъ орфографическихъ приемовъ. 9. Въ глаголической азбукѣ ясно видны слѣды заимствованія главнымъ образомъ изъ трехъ азбукъ: греческой, латинской и еврейской. Могли быть сдѣланы заимствованія и изъ другихъ азбукъ... хотя возможно, что схожія начертанія могли имѣть общій источникъ въ одной изъ указанныхъ азбукъ. Теорія о происхожденіи глаголицы изъ греческаго курсивнаго письма должна быть признана совершенно несостоятельной, такъ какъ она должна прибѣгать къ разнымъ черезчуръ искусственнымъ приемамъ... 10. Въ системѣ глаголической графики, въ нѣкоторыхъ ея приемахъ авторъ видитъ извѣстное доказательство сравнительной древности глаголицы предъ кириллицей. Всѣ эти выводы заключаетъ авторъ еще однимъ положеніемъ, весьма важнымъ по отношенію къ самому К. М.: 11. К. М. не копія съ древнѣйшаго оригинала, а подлинникъ..., а, слѣдовательно, возникновеніе его нельзя относить ко времени св. Кирилла и Меѳодія; памятникъ возникъ позже...

Не приходится оспаривать тѣ изъ этихъ положеній, которыя устанавливаютъ болѣшую древность К. М. сравнительно съ другими памятниками. Изъ этого отношенія возможно порою и наоборотъ: изъ положенія о глубокой древности памятника, устанавливаемого его языкомъ, дѣлать заключеніе о древности его начертанія.

Но я затрудняюсь вполне согласиться съ тѣми положеніями автора, которыя касаются общаго вопроса о происхожденіи глаголицы. Взглядъ автора на этотъ вопросъ характеризуется съ одной стороны эклектизмомъ: онъ видитъ въ глаголицѣ слѣды заимствованія главнымъ образомъ изъ трехъ азбукъ—греческой, латинской и еврейской, а съ другой стороны—суровымъ осужденіемъ теоріи Тейлора-Ягича: „теорія о

происхожденіи глаголицы изъ греческаго курсивнаго письма должна быть признана совершенно несостоятельной, такъ какъ она должна прибѣгать къ разнымъ черзчуръ искусственнымъ приемамъ“.

Въ основѣ такого взгляда на вопросъ лежитъ извѣстная точка зрѣнія на глаголическую азбуку, какъ на дѣло индивидуальнаго творчества св. Кирилла, точка зрѣнія, съ которой врядъ ли можно согласиться.

Думаю, что напрасно и Вондракъ, и Н. К. Грунскій все еще роются въ источникахъ еврейской палеографіи, дабы объяснить тотъ или иной знакъ глаголическаго алфавита; думаю, что Тейлору, какъ специалисту-палеографу были отлично извѣстны еврейскія начертанія; и если онъ, оставивъ ихъ въ сторонѣ, попытался объяснить глаголицу цѣлкомъ изъ греческаго курсива, то руководился при этомъ общимъ принципомъ, доказаннымъ исторіей алфавитовъ: алфавиты не сочиняются отдѣльными лицами, но одинъ народъ заимствуетъ свою азбуку у другого, и именно у того, подъ культурнымъ вліяніемъ котораго находится. Самъ Н. К. Грунскій останавливается надъ вопросомъ, не странно-ли, что глаголическое *κ* заимствовано изъ еврейскаго алфавита, разъ въ греческомъ есть тотъ же звукъ; но эту странность онъ объясняетъ предположеніемъ, что греческое *κ* въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напр., предъ нѣкоторыми гласными, какъ теперь въ греческомъ) звучало не какъ *κ*, а болѣе мягко. Но развѣ такія тонкія отличія, замѣтныя лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ, могутъ служить препятствіемъ для заимствованія знака изъ греческаго алфавита? Само собою разумѣется, что подобныя соображенія не имѣютъ значенія для тѣхъ, кто признаетъ силу историческаго принципа заимствованія азбуки, для кого роль Кирилла сводится лишь къ точной фиксаціи формъ алфавита, къ выбору между нѣсколькими параллельно употреблявшимися приемами обозначенія извѣстнаго звука одного, опредѣленнаго.

Характерно и то, что въ данномъ случаѣ нѣтъ даже необходимости прибѣгать къ еврейскому алфавиту, такъ какъ самъ Н. К. Грунскій между греческимъ минускульнымъ *κ* и глаголическимъ начертаніемъ того же звука признаетъ „большое сходство“. Но большого сходства ему мало, онъ требуетъ полнаго подобія, какъ будто одного столѣтняго періода самостоятельной жизни глаголицы мало для того, чтобы полное подобіе превратилось въ „большое сходство“.

Отдѣльныя замѣчанія автора, посвященныя тому или другому глаголическому знаку, отличаются трезвымъ отношеніемъ къ теоріи во-

сточныхъ заимствованій: такъ онъ признаетъ большое сходство съ глаголическимъ ꙗ самаритянскихъ знаковъ, отмѣченныхъ Вондракомъ, и, однако, удерживается отъ соблазна: „трудно здѣсь положительно говорить о заимствованіи прямо изъ самаритянскаго письма: ꙗ вѣдь не то, что ѡ, ш, ц и пр., звукъ этотъ имѣется и въ греческомъ, и въ латинскомъ языкахъ, не зачѣмъ было ходить за нимъ такъ сравнительно далеко“ (13 стр.). Глаголическое ѡ Грунскій предпочитаетъ, вопреки Вондраку, выводить изъ греческаго, а не изъ самаритянскаго (30 стр.).

Попытку Вондрака вывести глаголическое ѡ изъ самаритянскаго ѡ Н. К. Грунскій признаетъ неудачной (31 стр.), точно такъ же, какъ сближеніе глаголическаго оу съ самаритянскимъ ѡа.

Затруднительнымъ считаетъ онъ и положеніе Вондрака, когда этотъ ученый выводитъ глаголическое ꙗ изъ еврейскаго samech; рѣшительно отрицаетъ еврейскую основу Грунскій относительно глаголическаго ѡ. Вондракъ выводитъ глаголическое ꙗ изъ самаритянскаго, но форма послѣдняго, замѣчаетъ авторъ, не подходитъ къ глаголическому.

И несмотря на этотъ рядъ отрицательныхъ заключеній относительно теоріи восточныхъ элементовъ въ глаголицѣ, авторъ въ окончательномъ выводѣ включаетъ въ число источниковъ глаголицы еврейскій алфавитъ. Какіе же знаки глаголическаго алфавита остаются опорой восточной теоріи?—Относительно ѡ авторъ хотя и обнаруживаетъ склонность къ восточной теоріи, но находитъ возможнымъ защищать мысль о греческомъ происхожденіи буквы (9 стр.); слѣдовательно, этотъ знакъ—не въ счетъ; заимствованіе глаголическаго ѡ изъ еврейскаго онъ самъ признаетъ страннымъ, хотя и пытается оправдать. Остаются собственно два глаголическихъ знака, которыхъ восточное происхожденіе авторъ признаетъ безъ всякихъ колебаній: ѡ, будто бы взятое изъ коптскаго, и ѡ—буква „безусловно-восточнаго происхожденія“.

Но развѣ подобіе знаковъ для звука словянскаго ѡ и коптскаго ѡ можетъ удивлять, развѣ мы знаемъ, что коптскій алфавитъ основанъ на греческомъ?

И развѣ на основаніи одного случая подобія глаголическаго знака еврейскому, самаритянскому или финикійскому (ѡ) — можно основывать теорію?

Что касается латинскаго алфавита, то роль этой азбуки, какъ источника глаголицы, также опирается на сходство знаковъ всего

лишь въ двухъ-трехъ случаяхъ: 1) „если видѣть въ верхней части (глаголическаго г) господствующую, главную сравнительно съ нижней, вторую считать разившейся до равномѣрности съ первой позднѣе, то легче выводить начертаніе глаголическаго г изъ латинскаго“. Однако начертанія Кіевскаго М., Зогр. Ев., Мар. Ев., Асс. Ев., Клоц. Сб.—т.-е. древнѣйшихъ памятниковъ не даютъ права считать нижнюю часть разившейся позже; 2) „начертаніе глаг. в ясно до очевидности говорить о заимствованіи изъ начертанія латинскаго v“; 3) въ сближеніи глаголическаго п съ греческимъ минускульнымъ π авторъ находитъ затрудненія и склоненъ къ сопоставленію Гейтлера съ латинскимъ p.

Первый пунктъ основанъ на произвольномъ взглядѣ на нижнюю часть глагол. г, какъ на позднюю, во второмъ авторъ руководится принципомъ вѣшняго подобія, и сближаетъ глагол. в съ латинскимъ v рѣшительно безъ всякой нужды въ этомъ: греческое ϐ, съ которымъ сопоставляетъ глагол. в Тейлоръ, прекрасно подходит; недостаетъ лишь съ правой стороны колечка, параллельнаго лѣвому, но оно легко могло явиться при унциализированіи греческой курсивной формы; нѣтъ препятствій и съ звуковой стороны, такъ какъ v было въ дифтонгахъ av, ev неслоговымъ и и, какъ таковое, мало отличалось отъ южно-славянскаго к (несомнѣнно билабиальнаго характера).

Наконецъ и сближеніе глаголическаго п съ латинскимъ namъ кажется излишнимъ, такъ какъ въ приведенныхъ Ягичемъ греческихъ курсивныхъ формахъ я не вижу трудности перехода къ глаголическому π: греческое π при удлинении лѣвой ножки и продолженіи закругленія правой вверхъ легко могло дать глаголическое Π.

Представляютъ ли эти два-три случая *сомнительнаго* характера достаточное основаніе для включенія латинской азбуки въ число источниковъ глаголицы?

И не является ли здѣсь то же недоумѣніе, какое является у автора по поводу сближенія глаголическаго в съ самаритянскимъ: вѣдъ и г, и п, и κ—всѣ эти звуки имѣлись и въ греческомъ; зачѣмъ же было обращаться къ латинскому?

Итакъ, эклектизмъ автора, его обращеніе къ латинскому и еврейскому алфавиту не только противорѣчатъ общему принципу, установленному исторіей алфавитовъ, но и лишены фактической почвы.

Теперь является вопросъ: если такъ, если у насъ нѣтъ твердыхъ основаній для утвержденія, что источниками глаголицы являются также латинскій и еврейскій алфавитъ,—то можно ли согласиться съ

суровымъ осужденіемъ авторомъ греческой теоріи Тейлора-Ягича? Если ни еврейскій, ни латинскій алфавитъ не были источниками глаголицы, то откуда же заимствованы ея знаки? Самъ авторъ признаетъ греческій источникъ для цѣлаго ряда глаголическихъ буквъ: для а, л, ж, з, и, ѣ, ѓ, н, ц, ѓ, р; сюда смѣло можно присоединить изъ разобранныхъ уже знаковъ к, г, п, к; далѣе в, о греческомъ происхожденіи котораго авторъ позволяетъ говорить; что касается иныхъ буквъ, то сомнѣнія автора въ большинствѣ случаевъ объясняются тѣмъ, что онъ требуетъ слишкомъ большого подобія, забывая, что уже до Кирилла, когда славяне, по свидѣтельству Храбра, „иждаахъ га рѣчкыма и грѣчкыма писани пиати словенскѣ рѣчи кеза ѳтром“, греческія курсивныя формы могли подвергнуться извѣстнымъ измѣненіямъ; затѣмъ измѣненіямъ онѣ могли подвергнуться и въ тотъ столѣтій слишкомъ промежутокъ, который отдѣляетъ древнѣйшіе глаголическіе памятники, до насъ дошедшіе, отъ эпохи Кирилла и Меодія; наконецъ, должно принять во вниманіе, что греческія курсивныя формы принимали въ глаголицѣ уставный характеръ. Н. К. Грунскій находитъ неубѣдительными тѣ данныя, которыя приводитъ академикъ Ягичъ; «какимъ образомъ изъ совершенно противоположнаго по формѣ начертанія греческаго в могло образоваться начертаніе глаголическое»... „Благодаря подобному методу... можно изъ любого начертанія вывести совершенно на него похожее“. Предлагаю автору сравнить начертаніе кирилловскаго уставнаго или полууставнаго в со скорописными в въ палеографіи проф. Карскаго (184 с.); здѣсь находимъ отношенія приблизительно такія, какъ между славянскимъ уставнымъ ѣ и нашимъ современнымъ скорописнымъ в; далѣе можно сравнить форму кирилловскаго уставнаго в съ нѣкоторыми скорописными формами той же буквы (Карскій, 185 стр.) или же уставное в съ курсивнымъ в, похожимъ на греческую ѓ (Карскій, 213 с.). Если руководиться не общимъ историческимъ принципомъ, а однимъ принципомъ внѣшняго подобія, то нетрудно усумниться и въ генетической связи приведенныхъ кирилловскихъ формъ, уставныхъ и курсивныхъ. Наоборотъ, если имѣть въ виду общій историческій принципъ и очевидную связь глаголицы съ греческимъ курсивомъ въ большинствѣ случаевъ, то и предположеніе, что глаголическіе в, ѳ, с, в основаны на греческихъ курсивныхъ формахъ, не покажется смѣлымъ.

Прибавимъ, что иногда отрицательное отношеніе автора къ объясненію глаголическаго знака изъ греческаго курсива основано лишь на неправильности разсужденія: возставая противъ Ягиченскаго объ-

ясненія глагол. ч изъ соединенія ш и т, авторъ спрашиваетъ,—почему фигура греч. τ взята здѣсь въ такомъ видѣ, а не въ такомъ, какъ для глаголическаго τ (два полукружка безъ средней линіи). Недоумѣніе это рѣшается очень легко: форма глаголическаго τ въ лигатурѣ ч сохранилась въ первоначальномъ видѣ, ибо сложность цілой фигуры мѣшала дальнѣйшему развитію этого τ, въ такомъ же видѣ первоначально было перенесено въ глаголицу и τ, какъ особая буква, но подверглась измѣненію, получила развитіе, давшее ей болѣе уставный характеръ.

Точно такъ же неосновательно возраженіе автора противъ сближенія глаголическаго з съ греч. θ: „почему пренебреженнымъ осталось греч. ζ для глагол. начертанія з и для образованія этого начертанія взято начертаніе греч. θ, произношеніе которой было, конечно, далеко не тождественно произношенію славянскаго з?“. Вполнѣ понятно, почему: греч. ζ произносилось, какъ dz, греческое же θ было по звуку гораздо ближе, чѣмъ з: з было аффрикатой, новогреч. θ относится къ классу спирантовъ-свистящихъ такъ-называемаго корональнаго образованія (интердентальныхъ или постдентальныхъ), слѣдовательно близко по образованію именно къ с и з (ср. Sievers 5 изд., 128 с.); отсюда передача греческаго εδνη чрезъ зми у Іоанна экзарха Болгарскаго вполнѣ естественна, и напрасно авторъ признаетъ этотъ примѣръ въ виду его единичности ничего не говорящимъ.

Не стану останавливаться на иныхъ замѣчаніяхъ автора въ этомъ выпускѣ, могущихъ вызвать возраженія: рядомъ съ такими замѣчаніями есть у него и вѣрныя мысли. Таковы, напримѣръ, вышеприведенныя скептическія соображенія, направленные противъ теоріи Вондрака.

Удовольствуюсь общимъ выводомъ, что тѣ положенія автора, выставленныя въ этомъ выпускѣ, которыя касаются общаго вопроса о происхожденіи и источникахъ глаголицы, не обоснованы и врядъ-ли вѣрны: почему-то онъ вѣритъ въ личное творчество въ такомъ дѣлѣ, какъ выработка алфавита; почему-то его смущаетъ „невидная роль“, которая выпала бы на долю окончательнаго устроителя алфавита, если бы наука приняла греческую теорію Тейлора-Ягича.

Не вполнѣ обосновано и заключеніе автора, что Кіевскій М. представляетъ не копію съ древнѣйшаго оригинала, а подлинникъ; авторъ ограничивается ссылкой на разницу, наблюдаемую въ палеографическихъ и графическихъ приѣмахъ у перваго и втораго писца, разницу, которую легче всего объяснить „именно тѣмъ, что предъ писавшими не было одного общаго источника, который наложилъ бы общую пе-

чать на ихъ трудъ“. Авторъ долженъ былъ развить эту ссылку, предупредить тѣ недоумѣнія, которыя могутъ по поводу этой ссылки возникнуть. Вондракъ, напр., указываетъ какъ разъ на единство системы значковъ надъ гласными и объясняетъ это единство тѣмъ, что система эта была уже въ оригиналѣ памятника.

И въ самомъ дѣлѣ: Н. К. Грунскій въ I вып. своей работы отмѣчаетъ разницу въ формѣ титла, въ формѣ придыханій, но онъ не отмѣчаетъ разницы въ употребленіи придыханій и удареній; система ихъ употребленія дѣйствительно одна; какъ объясняетъ авторъ это единство? Да и во II вып. авторъ, устанавливая, напр., правила употребленія знаковъ *и*, *і*, *и* и *и*, ничего не говоритъ о разницѣ въ этомъ отношеніи между первымъ и вторымъ почеркомъ; не говоритъ, конечно, потому, что разницы нѣтъ. Такимъ образомъ положеніе автора о томъ, что К. Л. представляютъ оригиналъ, а не копію, не только не обосновано, но и неожиданно; вѣдь разница въ формѣ буквъ не можетъ служить основой для подобныхъ заключеній.

Третій выпускъ книги Н. К. Грунскаго распадается на 3 главы и заключеніе. Глава I посвящена разбору мнѣній, высказанныхъ о Кіевскихъ дл.; гл. II изслѣдованію языка памятника; глава III вопросу: „можно-ли ставить К. Л. на ряду съ Пражскими отрывками?“.

„Цѣль настоящей статьи“, говоритъ авторъ въ I главѣ, „прежде всего сдѣлать сводъ гипотезъ, подвести итоги тому, что говорилось въ различныхъ изслѣдованіяхъ, статьяхъ... о родинѣ, времени происхожденія К. Л. Необходимо, наконецъ, разобраться и попытаться установить, что остается цѣннымъ изъ всѣхъ тѣхъ разсужденій, которыя касались этого памятника“ (5 с.).

Авторъ излагаетъ взгляды Срезневскаго, Макушева, Миклошича, Гейтлера, Ягича, Будиловича, Калины, Облака, Пастернака, Соболевскаго, Ляпунова, Щепкина и Вондрака, сопровождая ихъ критическими замѣчаніями, и въ итогѣ отмѣчаетъ, что въ разрѣшеніи вопроса о родинѣ К. Л. мы можемъ указать два главныхъ направленія, что нѣкоторые изслѣдователи шли ложными путями, а нѣкоторымъ пришлось прибѣгать къ искусственнымъ догадкамъ, чтобы подтвердить свою теорію, что такое же колебаніе и неопредѣленность мы замѣчаемъ и въ опредѣленіи времени происхожденія памятника.

Какое изъ двухъ главныхъ направленій въ рѣшеніи вопроса о родинѣ К. Л. болѣе правильно, какъ должно рѣшать вопросъ о времени происхожденія памятника,—авторъ пока не говоритъ и переходитъ къ языку его, чтобы посмотреть, „что дастъ намъ болѣе деталь-

ное изученіе его“ (17 с.). Послѣдовательно разсматриваетъ авторъ употребленіе *х* и *ъ* въ К. Л., употребленіе носовыхъ, *ѣ*, *l-erenth.*, смягченіе зубныхъ, морфологию и лексику памятника, наконецъ останавливается на синтаксисѣ его и характерѣ перевода.

Что же даетъ этотъ внимательный грамматическій анализъ памятника для рѣшенія вопроса?

Въ главѣ объ *х* и *ъ* авторъ справедливо устанавливаетъ, что окончаніе—*ъмь* въ тв. п. ед. ч. не чешско-словацкая черта, такъ какъ встрѣчается и въ другихъ церк.-слов. памятникахъ: Зогр. Ев., Син. Пс., Син. Тр., Супр. рук. (авторъ могъ бы прибавить Хиланд. л.); далѣе,—что форма *цѣркѣмь* не свидѣтельствуетъ о чехо-моравскомъ происхожденіи памятника, такъ какъ въ такой формѣ слово это встрѣчаемъ въ современныхъ южнославянскихъ нарѣчіяхъ, а въ чешско-словацкомъ древнѣйшая форма этого слова—*сѣркев*. Въ главѣ объ *ж*—*а* авторъ вполне основательно отрицаетъ замѣну носовыхъ чистыми въ формахъ небесскоуж тв. п. ед. ч. и роканна приносимымъ: первую онъ объясняетъ графическимъ смѣшеніемъ *оу* и *о* (ср. вѣчнома), а во второмъ случаѣ—цѣлая флексія женскаго рода—*ѣма*.

Главы, посвященныя *ѣ* и смягченію губныхъ, не даютъ автору никакихъ выводовъ.

Наиболѣе интереснымъ и важнымъ пунктомъ является въ фонетикѣ К. Л. замѣна *дї*, *тї* чрезъ *з* и *ц*. Авторъ отмѣчаетъ послѣдовательность въ проведеніи этой черты въ К. Л. и спорадическіе примѣры такого же смягченія въ Мар. Ев., Glag. Cloz., Син. Пс., Супр. рук.; однако между данной чертой К. М. и послѣдними фактами, по его мнѣнію, нельзя установить несомнѣнную связь (33 с.): онъ склоненъ смотрѣть на спорадическіе примѣры памятниковъ, какъ на опіски, при чемъ указываетъ, что въ розыткѣ *з*—предъ дальнѣйшимъ *с*; но въ то же время авторъ замѣчаетъ: „при разборѣ этихъ случаевъ все же должны быть приняты во вниманіе также случаи, правда, единичные переходовъ *л* (*sic*) въ *з* въ болгарскихъ говорахъ: въ Сухо *чуж* вм. *чужд*, въ Софійскомъ округѣ *виз* вм. *вижд*“.

По поводу *ич* вм. *ит*, которое нѣкоторые изслѣдователи ставятъ въ связь съ *з*, *ц* и разсматриваютъ поэтому, какъ моравизмъ, авторъ не высказывается.

Въ области морфологіи памятника остаются на себѣ вниманіе слѣдующіе факты: ф. *палух* въ функціи род. пад. мн. ч., стяженныя формы въ склоненіяхъ прилагательныхъ, ф. *нах* въ функціи вня. п. мн. ч., ф. *ихи* въ функціи ям. п. мн. ч. Относительно ф. *с-*

лхъ въ функціи gen. pl. авторъ приводитъ параллели изъ XIII словъ Григорія Богослова (XI в.): *отъ ирлхнхъ разоумѣхъ*, изъ Синайскаго Требника—: *догтонна теора та оучастъ стыхъ и постыницѣхъ*, изъ Клоцова Сборника: *прювхштти нхъ таинахъ*.

Второй и третій примѣры сюда не идутъ, такъ какъ представляють, несомнѣнно, фактъ синтаксическаго характера. Но справедливо авторъ указываетъ на связь этой формы м. п. въ роли род. п. съ предшествующей формой прилагательнаго.

По поводу стяженныхъ прилагательныхъ авторъ отмѣчаетъ близость въ этомъ отношеніи К. М. съ Клоцовымъ Сборникомъ и Пражскими листками. Параллель формъ нхъ въ роли им. п.—въ Сборникѣ Клоца, въ Добромировомъ Ев., а также въ современномъ болгарскомъ *ни, ние*.

Эти наблюденія надъ языкомъ памятника приводятъ автора къ заключенію, что онъ, т. е. языкъ памятника, отличается цѣльностью, не знаетъ колебаній ни въ передачѣ словъ съ l-epentheticum, ни въ опредѣленныхъ формахъ прилагательныхъ.

Къ этому выводу можно было бы добавить, что отдѣльныя замѣчанія автора ведутъ къ отрицанію мысли о чехо-моравскомъ происхожденіи памятника: ср. замѣчаніе о флексіи —ъмь, объ отступающихъ формахъ съ носовыми. Такимъ образомъ, читатель болѣе или менѣе подготовленъ уже къ заключительному выводу, неблагоприятному для чехо-моравской теоріи. Но прежде чѣмъ сдѣлать какой-либо выводъ, авторъ останавливается еще на лексикѣ памятника, на характерѣ перевода, на его синтаксисѣ и, наконецъ, на вопросѣ, можно ли ставить Кіевскіе листки наряду съ Пражскими отрывками.

Въ замѣчаніяхъ о лексикѣ памятника приходится вычеркнуть указаніе на присутствіе въ немъ заимствованій изъ греческаго: *антиѣ*, ибо авторъ въ поправкахъ замѣтилъ самъ, что здѣсь не *антиѣ*, а *квантитѣ*; остаются лишь латинскія заимствованія: *мъша*, *прѣфациѣ*, *оплатѣ*.

Изъ другихъ словъ авторъ останавливается на словахъ *рѣснога*, *тоужда*, *жкостѣ*, *нвнскскѣ*, *радѣ*, *цѣгаритѣ*, *нвпрѣзнннхъ*, *панежѣ*, *поганскѣ*, *жадатѣ*, *квалстко*, *късмогкѣ*, *късхдѣ*. Взглядъ автора на значеніе слова *рѣснога* не вполне ясенъ; тоужда онъ считаетъ болѣе древнимъ сравнительно съ *штоужда* и преимущественно южнославянскимъ (ср. болг. *туга*, с. *туђ*, слов. *tuj*); выраженія: *жкостѣ*, *нвнскскѣ*, *радѣ*, *квалстко*, *цѣгаритѣ*, *нвпрѣзнннхъ*, *панежѣ*, *поганскѣ*, *Законьникѣ*, *жадати* онъ считаетъ архаизмами; *късмогкѣ* сопоставляетъ съ *vsemogosi* Фрейзингенскихъ отрывковъ (не должно, однако, забывать, что и въ чешскомъ *vše-*

moguci). Въ характерѣ перевода авторъ отмѣчаетъ дословность и однородность; въ синтаксисѣ—,употребленіе оборотовъ, свойственныхъ вообще древнимъ церковно-славянскимъ памятникамъ“.

Съ положеніемъ автора, что между Пражскими листками и Киевскимъ М.—значительное разстояніе, что „если К. Л. близки къ кир.-меодіевскому времени, то Пр. л. далеки сравнительно отъ этого времени“, не трудно согласиться.

Вообще же эта глава служитъ какъ бы переходомъ къ изслѣдованію Пражскихъ отрывковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ искусственно отдѣляетъ все предшествующее изслѣдованіе Киевскаго М. отъ заключительнаго вывода.

Этотъ заключительный выводъ (61—62 с.) не отличается ни рѣшительностью, ни опредѣленностью: „видя въ К. Л. именно памятникъ, стоящій ближе другихъ въ Кир.-Мее. порѣ, мы отказываемся отъ опредѣленія его родины. Страннымъ можетъ показаться это послѣ предпринятаго детальнаго изслѣдованія. Между тѣмъ тамъ требуетъ“— (того требуетъ?)—„желаніе остаться на фактической почвѣ, не представляющей въ этомъ случаѣ возможности дать удовлетворительное опредѣленіе и не переходить въ область догадокъ, уже достаточно наводнившихъ собой исторію времени первоначальной церковно-славянской письменности“.

Впрочемъ, авторъ на этомъ отказѣ отъ вывода не останавливается. Онъ находитъ, что теорія чехо-моравскаго происхожденія К. М. шатка, и склоняется „болѣе къ теоріи о цѣльности языка памятника“, хотя и сознаетъ „слабость ея въ недостаткѣ возможности указать подобное нарѣчіе въ современномъ“. Оправданіемъ для него служитъ мысль, что то, „чего нѣтъ теперь, могло быть раньше“ (62 с.).

Должно признать, что изъ фактовъ, находившихся въ распоряженіи автора, можно было сдѣлать болѣе рѣшительный выводъ. Въ самомъ дѣлѣ, мысль Ягича о сознательномъ внесеніи составителемъ или переписчикомъ моравскихъ ц, з въ церковно-славянскій языкъ памятника слишкомъ искусственна: почему писецъ ограничился одной чертой, разъ онъ былъ заинтересованъ въ симпатіяхъ туземныхъ читателей?

Вмѣстѣ съ тѣмъ и бессознательное внесеніе одной черты въ столь послѣдовательной формѣ, безъ малѣйшаго колебанія, при почти полномъ отсутствіи иныхъ признаковъ—маловѣроятно.

Съ другой стороны, анализъ языка памятника, сдѣланный Н. К. Грунскимъ (замѣчанія о флексіи — хъ, о ф. невѣскоуѣ, принесенѣмъ,

циркви), подготовилъ положеніе объ отсутствіи въ К. М. иныхъ чертъ моравскаго характера и мысль о цѣльности языка памятника. Можно даже упрекнуть автора въ томъ, что онъ не воспользовался для обоснованія этой мысли палеографической стороной К. М.: мы видѣли, что ударенія К. М. не обнаруживаютъ ничего западнославянскаго, что они указываютъ скорѣе на югъ. Если локализовать говоръ со всѣми чертами древняго церк.-славянскаго языка и вмѣстѣ съ тѣмъ съ з, ц на мѣстѣ праславянскихъ tj, dj трудно, то не невозможно: болгарскія владѣнія въ Дакии въ IX в. соприкасались съ южной границей моравской державы (Дриновъ „Южные славяне и Византия въ X в.“ 9 с.).

Наконецъ, если бы мы и согласились съ авторомъ въ его конечномъ выводѣ, мы не отказались бы отъ своего упрека въ неопредѣленности, нетвердости этого вывода: зачѣмъ авторъ предпринималъ детальное изслѣдованіе памятника, если, какъ онъ признаетъ, „у насъ еще мало фактовъ для созданія болѣе достовѣрныхъ обобщеній“? Своевременно ли было такое предпріятіе? Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что авторъ, принимаясь за работу, надѣялся въ палеографической сторонѣ памятника найти твердое рѣшеніе вопроса. Надежды его не оправдались: *онъ подвелъ итоги тому, что сдѣлано было до сихъ поръ по данному вопросу, но не сдѣлалъ ни одного полного шага впередъ*. Вопросъ въ сущности остался въ томъ же положеніи. Если виною тема, то неудачный выборъ темы лежитъ на отвѣтственности автора. Притомъ же сохраняетъ свое значеніе упрекъ въ томъ, что историческая сторона вопроса осталась у автора неосвѣщенной.

II.

Послѣдній выпускъ книги Н. К. Грунскаго, озаглавленный: „Пражскіе глаголическіе отрывки и изъ исторіи хорватской глаголицы“, представляетъ какъ-бы вторую часть работы и отличается смѣшаннымъ содержаніемъ: главной темой этого выпуска являются Пражскіе отрывки, затѣмъ довольно большое примѣчаніе самостоятельнаго характера посвящено извѣстному сказанію Храбра, и наконецъ авторъ останавливается на Вѣнскихъ листкахъ и нѣкоторыхъ другихъ памятникахъ, имѣющихъ отношеніе къ исторіи хорватской глаголицы.

Наша наука безусловно должна быть благодарна Н. К. Грунскому за новое изданіе Пражскихъ листковъ, снабженное палеографическими снимками. Къ этому изданію присоединены: исторія изученія памят-

ника и замѣчанія, касающіяся палеографической и лингвистической его сторонъ.

Относительно текста памятника, который приведенъ съ поправками и дополненіями къ шафариковскому изданію, должно отмѣтить, что общая картина его не вполне совпадаетъ съ той, которую даетъ появившееся одновременно съ книгой Н. К. Грунскаго изданіе вѣнскаго профессора Вондрака.

Такъ у Вондрака I, А. 3.

.... окет ... х... ѣ ... на ... ѣи; у Н. К. Грунскаго—

.... окет зѣ ѣи.

у Вондрака I, А. 6: твар... об'н... слов... ѣ... м...

у Грунскаго: твар... об'н.. слов... с. м.

Однако этимъ замѣчаніемъ мы вовсе не имѣемъ въ виду набросить тѣмъ подозрѣнія на точность автора: повидимому, Вондракъ работалъ не по рукописи, а по снимкамъ, какъ справедливо упрекаетъ его Н. К. Грунскій въ отдѣльномъ изданіи Пражскихъ отрывковъ, появившемся надняхъ ¹⁾, тогда какъ Н. К. Грунскій основываетъ свое изданіе на изученіи оригинала. Критически отнестись къ его изданію, не имѣя подъ рукой рукописи, мы, конечно, не можемъ.

Что касается анализа памятника, то мы находимъ его недостаточно обстоятельнымъ. Авторъ мало останавливается на выясненіи вопросовъ о происхожденіи памятника и его древности. Такъ онъ вовсе не рассматриваетъ вопроса о русскомъ словѣ въ языкѣ памятника, предполагаемомъ Ягичемъ, ограничиваясь общей фразой относительно „довольно близкихъ параллельныхъ мѣстъ“ къ Пр. Отр., указанныхъ Срезневскимъ. Онъ не пытается дать самостоятельный и обоснованный отвѣтъ на вопросъ о древности памятника; вопросъ о томъ, были ли послѣдніе писцы чехами или словаками, затрагивается имъ лишь слегка и мимоходомъ; опредѣленно выражено лишь отношеніе автора къ вопросу о болгаризмѣ языка Пражскихъ отрывковъ, но за то отрицательное рѣшеніе имъ этого вопроса врядъ ли удачно: объяснять употребленіе одного *z* для обозначенія полугласныхъ во второмъ отрывкѣ „смѣшеніемъ *z* и *ь* въ чешскомъ и отвердѣніемъ согласныхъ“ (взглядъ

¹⁾ „Памятники старославянскаго языка“ т. I, вып. 4; 1905, 27 с.,—справедливо Н. К. Грунскій указываетъ, что на II, В 19 въ словѣ правдѣнаго даже на снимкѣ видно послѣ *z*—*z*, а Вондракъ пишетъ *z* (у Шафарика—*z*); что Вондракъ работалъ по снимкамъ, видно изъ его ссылокъ, ср. на 87 с.: „šafařik četl отапоу. Na снимку mohu sprísť z gozoznávati“.

Соболевскаго), игнорируя при этомъ лексическіе и морфологическіе болгаризмы (съборъ, слѣпомоу)¹⁾,—врядъ-ли мы имѣемъ право.

Такимъ образомъ, авторъ и въ изслѣдованіи Пражскихъ отрывковъ остался вѣренъ фактическому направленію своей работы.

Отмѣчу еще въ анализѣ языка Пражскихъ отрывковъ недосмотръ частнаго характера: „въ склоненіи прилагательныхъ и причастій, говоритъ авторъ, мы видимъ неопредѣленные окончанія, какъ и въ I отр.: безаконънъи, апостольскаго, таацаго и пр.“,—въ примѣрахъ какъ разъ опредѣленные формы.

Расматривая сказаніе Храбра, П. К. Грунскій пытается доказать позднее происхожденіе этого произведенія, относя его къ XIII—XIV вѣку. Съ этимъ взглядомъ автора и съ его доводами врядъ-ли многіе согласятся: объяснить то обстоятельство, что Храбръ имѣетъ въ виду лишь одну азбуку, тѣмъ, что другая была уже забыта, трудно; сомнѣваемся, чтобы болгарскій книжникъ XIII—XIV вѣка забылъ или ничего уже не зналъ о существованіи глаголицы; не только въ XII вѣкѣ, но еще и въ XIII въ Болгаріи списывали съ глаголическихъ оригиналовъ (Боянское Ев. XIII в. и др.). Выраженіе Храбра: „*оубо по чинѣ грехълихъ писанихъ*“ нельзя толковать въ смыслѣ, подходящемъ только къ кириллицѣ. Наконецъ, нельзя никакимъ образомъ понимать число буквъ словянской азбуки—38 такъ, какъ понимаетъ авторъ: въ смыслѣ числа буквъ, употребляемыхъ самимъ Храбромъ и возстановляемыхъ авторомъ по числу буквъ, которыя употребляются въ древнѣйшемъ спискѣ Сказанія.

Книга заканчивается замѣтками о Вѣнскихъ листкахъ, о глаголическомъ отрывкѣ Берчича Имп. П. Б., о служебникѣ Новака, о служебникѣ вѣнской придворной библіотеки XIV в. (№ 4) и глаголической части Реймскаго Евангелія.

Подведемъ итоги нашему разбору.

Тема для книги избрана авторомъ неудачно. Въ работѣ нѣтъ единства, такъ какъ авторъ самъ не находитъ ничего общаго въ смыслѣ происхожденія между Киевскими Л. и Пражскими отрывками; планъ отличается нестройностью: Киевскому М. отведено мѣста втрое больше, чѣмъ Пр. отрывкамъ; въ анализѣ перваго памятника палеографическая сторона занимаетъ больше всего мѣста, тогда какъ историческая сторона памятника остается необсѣдованной; изслѣдованіе главнаго предмета осложняется разсмотрѣніемъ вопросовъ, прямого

¹⁾ Нѣтъ никакихъ основаній прибѣгать здѣсь къ предположенію о пропускѣ у.

отношенія къ темъ не имѣющихъ (вопросъ о происхожденіи глаголицы, вопросъ о сказаніи Храбра).

Анализъ палеографической стороны К. М. недостаточно глубоко и недостаточно освѣщаетъ значеніе фактовъ, при чемъ обнаруживается слабое знакомство съ основами фонетики. Все изслѣдованіе К. М. не даетъ крупныхъ результатовъ. Анализъ Пражскихъ отрывковъ, именно вопросовъ о его древности и составѣ его языка недостаточно обстоятеленъ. Взглядъ на глаголицу слабо обоснованъ и врядъ-ли вѣренъ.

Отмѣчая всѣ эти недостатки изслѣдованія Н. К. Груйскаго, мы не колеблемся однако признать за нимъ значеніе полезнаго труда, считаемъ заслугой автора предъ наукой словяновѣднія изданіе Пражскихъ отрывковъ, основанное на изученіи оригинала, и первую попытку обстоятельнаго разсмотрѣнія К. М., попытку детально разработать палеографическую сторону памятника, столь же детально разобрать языкъ его и подвести итоги всему, что до сихъ поръ по изученію этого памятника сдѣлано. Авторъ, по нашему мнѣнію, обнаружилъ и полное знакомство съ литературой вопроса, и знаніе своего предмета вообще, и добросовѣстное отношеніе къ работѣ.

С. Шульбакинъ.

Тит. Остоичъ. Српска књижевност од велике сеобе до Доситеја Обрадовића. Ср. Карловца. 1906.

Книга, заглавіе которой мы выписали, принадлежитъ къ числу цѣнныхъ новинокъ молодой еще научной литературы у сербовъ. Авторъ „Српска књижевност од велике сеобе до Доситеја Обрадовића“ задался цѣлью прослѣдить постепенный ростъ сербской литературы XVIII в. въ связи съ культурно-историческими условіями жизни сербскаго народа; эта-то культурно-историческая точка зрѣнія при оцѣнѣ литературныхъ явленій, этотъ-то взглядъ на исторію литературы, какъ на часть культурной исторіи народа, является первымъ крупнымъ достоинствомъ разсматриваемаго труда и сближаетъ послѣдній съ трудами такихъ нашихъ изслѣдователей исторіи литературы, каковы А. Н. Пыпинъ, Н. С. Тихонравовъ, И. Н. Ждановъ и ихъ многочисленные ученики. Указанная сторона труда проф. Остоича выгодно отличаетъ его „исторію сербской литературы XVIII в.“ отъ трудовъ его предшественниковъ, какъ то гг. Ст. Новаковича и Симича и его современника г. Грчица, труды которыхъ по исторіи сербской лите-